

НЕДВИЖИМАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В РИМЕ ДО ДВЕНАДЦАТИ ТАБЛИЦ¹

Чтобы правильно разрешить проблему о недвижимой собственности в Риме до двенадцати таблиц, нужно предварительно рассмотреть вопрос о характере хозяйства в Риме в эпоху, предшествовавшую созданию двенадцати таблиц, т. е. в период времени от основания Рима, которое по преданию произошло в 754 г. до н. э., до 451—449 гг. до н. э.

Одним из самых важных занятий римлян в эпоху основания Рима было скотоводство. Об этом свидетельствует твердо установленное предание (см., например, Varro, *De agr.*, II, 1; Liv., I, 4), которое подтверждается рядом положительно установленных фактов. Так, например, в Риме для обозначения понятия денег служило слово, этимологически производное от *pecus* «стадо». Многие фамилии (*Porcii*, *Ovinii*, *Bibulci*), имена богов (*Ruminia*, *Bubona*, *Palilia*) и другие наименования (*porta Mugonia*) говорит о том, что римляне в древности занимались скотоводством. О значении, которое имело в Риме скотоводство, говорит и тот факт, что войны, которые Рим еще на заре своей истории вел со своей метрополией Альба-Лонга и с сабинянами, были вызваны главным образом необходимостью обеспечить себе беспрепятственное пользование горными пастбищами во время летнего сезона, когда поля были для этого недостаточны.

Вторым главным занятием древних римлян было земледелие. Племена, которые постепенно заселили северо-западный склон Палатинского холма, а потом и холмы Эсквилин и Целиус, объединение которых и создало Рим, были знакомы с земледелием, хотя более широкое его развитие наблюдается у них только после завоевания Рима этрусками. Существование таких родов, как *Fabii*, *Pisones*, *Lentules*, и значение, которое имели в древней римской религии *Martius* (Марс — первоначально бог растительности) и *Tellus* (*terra mater*—Varro, *De agr.*, I, 1), свидетельствуют о древности римского земледелия. Однако не следует забывать, что земледелие древних римлян было экстенсивным — одна и та же земля последовательно служила и земледелию и скотоводству (Varro, *De agr.*, III, 1, 2) — и очень примитивным в техническом отношении. Произведенные раскопки показывают, что в эту эпоху техника производства в Риме была на очень низком уровне. Основные сельскохозяйственные орудия — деревянный плуг, деревянная борона и железный серп — были очень примитивны. Глиняные вазы и посуда отличаются своей примитивной формой, плохой глазурью и простотой орнамента.

При основании Рима римское общество, как известно, жило в условиях первобытно-общинного строя. Следы родовой организации отчасти сохранились и после создания римского государства (Liv., I, 7; II, 16). Земля являлась коллективной собственностью рода, но фактическое владение ею было в руках отдельных семейств. Конечно, по этому вопросу мы не располагаем прямыми указаниями источников. Однако мы располагаем обильными сведениями относительно многих других народов, которые находились на той же ступени общественного развития (например, о германцах — Caes., *VG*, IV, 1; VI, 22; Tac., *German.*, 26, — о туземцах Северной Америки и о жителях Индии во время ее завоевания англичанами и о многих других). Эти сведения говорят о том, что родовая организация общества с присущей ей слабой производительностью труда и примитивной техникой всегда была связана с коллективной родовой собственностью на землю, причем только фактическое владение землей на более или менее продолжительные сроки предоставлялось отдельным семействам. Восстановление картины древнейшей римской поземельной собственности возможно на основании тех пережитков коллективной собственности, которые мы находим в Риме несколькими столетиями позже. При таком восстановлении все данные, относящиеся к древнейшей собственности других народов, имеют большое значение.

¹ Автореферат статьи, опубликованной в Ежегоднике Юридического факультета Софийского университета (на болгарском языке).

Развитие поземельной собственности в Риме, как и в других местах, обусловлено было развитием производительных сил. Самая ранняя фаза этого развития связана с этрусским владычеством, которое, как известно, не смогло прервать самостоятельного политического развития Рима.

Этруски — специалисты по осушению болот и проведению каналов улучшили болотистую почву древнего Рима. Осушение болот дало возможность разбить форум, являвшийся местом собраний, заключения сделок и т. д. Улучшение почвы привело к улучшению земледелия. Увеличена была площадь обрабатываемой земли, повысилась ее плодородность, а вместе с этим и урожайность. Жилищная площадь и население Рима увеличились. Появились и новые поселенцы — плебеи. При произведенных раскопках на холмах Квиринал и Эсквилин не были открыты могилы, принадлежащие эпохе после VI в. до н. э., в то время как более ранние могилы открыты в достаточном количестве. Перемещение римских кладбищ в VI в. объясняется увеличением населения и площади, занятой городом. В эту эпоху Рим уже начал экспортировать хлеб, шкуры, дерево и ввозить гончарные изделия, предметы роскоши и пр.

Увеличение земледелия и зарождение торговли привели к росту богатства известных слоев римского населения. При произведенных раскопках в жилищах этой эпохи найдены украшения и драгоценные предметы восточного происхождения. Таким образом, ясно, что еще в VI в. до н. э. была налицо четкая классовая дифференциация. В результате этой классовой дифференциации и вытекающей из нее классовой борьбы патрициев с плебеями и возникло римское государство путем приписываемой Сервию Туллию военно-политической реформы.

Под влиянием происшедшей классовой дифференциации началось разложение коллективной собственности на землю. Оно, наверно, началось еще до образования римского государства. Но создание государства усилило и ускорило этот процесс. Родовые общины с коллективной собственностью на землю были заменены территориальными трибами. Еще в начале V в. до н. э. появились первые сельские трибы, которые являются территориальными образованиями, замещившими общины с коллективной родовой собственностью на сельские земли. Очень характерным является факт, что первые шестнадцать сельских триб носят не другие какие-либо названия, а именно собственные имена римских родов. Десять из них носят имена хорошо известных патрицианских родов: *Aemilia*, *Claudia*, *Cornelia*, *Fabia*, *Noratia*, *Menenia*, *Papiria*, *Romulia*, *Sergia Voturia*. Остальные шесть носят имена, которые, по всей вероятности, принадлежали исчезнувшим патрицианским родам: *Camilia*, *Lemonia*, *Galeria*, *Pollia*, *Pupinia*, *Voltinia*.

Это говорит о том, что до образования первых сельских территориальных триб пахотная земля вместе с пастбищами составляла коллективную собственность патрицианских родов, потому что в латинском языке, как и в современных языках, прилагательное, образованное от фамилии, показывает притяжение (например, *Claudia tribus*). Впрочем, в этом отношении мы имеем прямые указания у Ливия (II, 16). То обстоятельство, что патрицианских родов было не шестнадцать, а гораздо больше, не является аргументом против выдвинутого здесь положения, потому что новые территориальные единицы получили, по всей вероятности, имена только самых сильных, самых больших или самых старых патрицианских родов. Такое понимание подтверждается фактом, что из более новых пятнадцати сельских триб, созданных после того, как родовая собственность была в основном ликвидирована, ни одна не носит имени какого-либо рода. Некоторые носят имена рек и озер (*Tribus Aniensis*, *Oufentina*, *Tetentina*, *Sabatina*, *Velina*), другие — имена местностей (*Falerna*, *Maecia*, *Stellatina*, *Tromentina*) или исчезнувших городов (*Clustumina*, *Pomptina*, *Scaptia*).

Родовая собственность, следовательно, была серьезно ограничена и даже в основном ликвидирована вскоре после основания римского государства. О времени, когда это произошло, можно сказать следующее: среди первых шестнадцати сельских триб есть такие, которые носят имена некоторых *gentes minores* (например, *tribus Papiria*). Следовательно, возникновение первых сельских триб произошло после слияния по-

селений, возникших на холмах Рима. С другой стороны, ни одна из этих триб не носит имени какого-нибудь плебейского семейства. Это показывает, что эта реформа была произведена вскоре после создания римского государства. Таким образом, 295 год с основания Рима (490 г. до н. э.), хотя и не может считаться научно установленным, является достаточно вероятным или, во всяком случае, достаточно близким ко времени, когда действительно произошло создание первых сельских триб, при помощи которых была ликвидирована родовая собственность на пахотную землю.

Рядом с родовой собственностью еще в глубокой древности в Риме появилась и семейная собственность, которая существовала параллельно с родовой и, будучи переходом к индивидуальной частной собственности, заменила родовую собственность. Эта семейная собственность проявила гораздо большую устойчивость, чем родовая, сохранившись отчасти и после двенадцати таблиц.

Согласно римскому преданию, семейная собственность была создана Ромулом, который дал каждому римскому гражданину по два югера земли (*Varro, RR, I, 10, 2; Fest, Ep. 53; Plin., NH, 18, 2; ср. Cic., De rep., II, 14, 1*, где распределение земли приписывается Нуме; о разделе земли говорит и Ливий, VI, 36, 11; *Siccul. Flac., Grom., 153, 26*). В эти два югера включалось жилище римлянина вместе с двором и садом (*Plin., NH, 19, 4, 50*). Разумеется, созданием семейной собственности на жилище и сад римлянина родовая собственность на пахотную землю не уничтожалась, так как два югера (в современных мерах около 50 аров) совсем не могли прокормить семейство римского гражданина. Мы не можем здесь входить в обсуждение всех вопросов, которые возникают в связи с преданием о *hinc iugera*. Неважно, что легендарный Ромул, который, повидимому, вообще не существовал, не мог осуществить такую законченную законодательную реформу. Важно, что предание о *hinc iugera* находит серьезное подтверждение в факте существования семейной собственности даже после двенадцати таблиц.

Действительно, двенадцать таблиц установили частную собственность в качестве регулярной формы собственности в Риме. Они узаконили двухлетнюю давность как средство приобретения всех недвижимых имуществ (*usus auctoritas fundi biennium est — Cic., Topica, 4, 23*). Но, узаконяя частную собственность на землю, двенадцать таблиц не смогли отменить существование семейной собственности. Наоборот, они ее признали. Они сохранили деление вещей на *familia* и *resunia*. *Familia* — это вещи, находящиеся в «фамильских» собственности, *resunia* — вещи, которые находятся в частной собственности.

Здесь необходимо отметить, что в латинском языке термин *familia* обозначает не только семейство, но и определенную категорию вещей, принадлежащих патриархальному семейству (прямые указания на это см. в *Dig., L, 16, 195, 1*). Этот смысл слова *familia* очень стар. Можно даже сказать, что он является первоначальным значением этого слова, если принять вместе с Гофманом, что *famelo, famelia* происходят от корня *dhe-*то «дом», или если согласиться с Гейманом, Корсеном, Перничем, которые производят это слово от корня *bhag* или *dhem*, который означает «живу».

Что слово *familia* обозначает семейное имущество, видно из названий *actio familiae ergiscundae* и *mancipatio familiae*, которыми обозначается иск о разделе семейного имущества и его манципирование. Древность происхождения этого института — вне сомнения (см. *Gai., I, VII, ad ed. provinciale — Dig., X, 2, 1 pr.*). Слово *familia* в смысле семейного имущества употребляется и в ряде текстов, в которых говорится о наследовании «фамилий» (например, *Ulp., Reg., 26, 1; Coll., 16, 4, 1; Gai., II, 157; Dig., XXVIII, 2, 11*).

Но тексты двенадцати таблиц, воспроизведенные римскими писателями и, в частности, римскими юристами, показывают не только, что словом *familia* обозначается имущество римского патриархального семейства. Они устанавливают также, что имущество трактуется как собственность всего семейства, как семейная собственность. Именно поэтому вопрос, что должно стать с этим имуществом, ставится только тогда, когда *pater familias* умирает, не оставляя *heredes sui* — людей, принадлежащих тому же семейству (*Ulp., 26, 1; Coll., 16, 4, 1*). Что происходит, когда *heredes sui* налицо, — этот вопрос текст двенадцати таблиц, воспроизведенный в двух выше цитированных сочинениях,

не ставит. Он начинается прямо с предположения, что *heredes sui* нет (*Si intestato moritur, cui suus heres nec escit...*). Случай, когда *heredes sui* налицо, не рассматривается именно потому, что члены патриархального семейства продолжали считаться собственниками «фамильного» имущества даже в эпоху двенадцати таблиц, когда семейная собственность была сильно ограничена властью *pater familias*, который захватил в свои руки распоряжение семейным имуществом. Считалось, что право собственности членов патриархального семейства — *heredes sui* — на семейное имущество не возникает лишь после смерти *pater familias*, а существует и раньше. «*Heredes sui*, — как прямо указывает Гай, — называются так, потому что они являются домашними наследниками и даже при жизни своего родителя считаются, так сказать, собственниками» (II, 157).

Следовательно, имущество, которое обозначается словом *familia*, трактуется как семейная собственность и в двенадцати таблицах. Оно противопоставляется так называемому *pecunia* — слово, которым обозначается находящееся в частной собственности имущество. Двенадцать таблиц обозначают термином *pecunia* не только мелкий скот, но и все вещи, находящиеся в частной собственности. Однако земля никогда не включалась в понятие *pecunia*.

Противопоставление *familia* и *pecunia* наиболее ярко выступает в предписаниях двенадцати таблиц о завещании и о *furiosus*. Согласно двенадцати таблицам, *pater familias* может свободно завещать только *pecunia*, т. е. свою частную собственность: *Uti legassit super pecunia tutelave suae rei ita ius esto* (Ulp., Reg., 11, 14). Семейное имущество он может завещать только тогда, когда нет *suus heres*, т. е. лиц, принадлежащих к тому семейству, к которому принадлежит и собственник семейного имущества (Coll., 16, 4, 1; Ulp., Reg., 26, 1: *Si intestato moritur cui suus heres nec escit*).

Различная трактовка *familia* и *pecunia* ясно выступает и в том случае, когда *pater familias* заболевает душевной болезнью. Тогда агнаты и род приобретают власть над душевнобольным и его *pecunia* (*Si furiosus escit ast ei custos nec escit, agnatum gentiliūque in eo pecuniaque eius potestas esto* — Cic., De inv., 2, 50; Cic., Tuscul., 3, 5, 11). Текст не занимается судьбой семейного имущества — *familia*. Попечитель этого имущества не назначается, потому что оно является собственностью как самого заболевшего, так и его подвластных. Последние получают право управления и распоряжения семейным имуществом в том же порядке, как и в случае смерти *pater familias*. Это последствие децемвиры считали подразумевающимся, и поэтому они ничего не говорят о судьбе семейного имущества сумасшедшего, как они ничего не говорят и о судьбе семейного имущества отца семейства (*pater familias*) в том случае, когда он оставил *heredes sui*.

Таким образом, как ни старались децемвиры узаконить частную собственность, как единственную регулярную форму собственности, они все же сохранили особый режим для семейной собственности. Больше того, двенадцать таблиц содержат и такие предписания, которые показывают, что семейное имущество было некогда родовой собственностью, и поэтому, в определенных случаях, оно снова должно вернуться роду: когда нет *heredes sui* или *agnatus proximus*, наследником является род (Coll., 16, 4, 2).

Таким образом, за установленной двенадцатью таблицами частной собственностью просвечивают не только контуры семейной «фамильной» собственности — они сравнительно ясно очерчены, — но даже и контуры родовой собственности, которые, впрочем, значительно поблекли.

Если мы будем рассматривать двенадцать таблиц в отрыве от развития собственности в Риме и тех постепенных наслоений, которыми это развитие сопровождалось, то мы не сможем вполне понять ряд институтов римского права.

Так, например, почти всеми исследователями признается, что как *манципация*, так и *сакраментум* плохо подходят к случаю недвижимого имущества. Требование положить руку на вещь, которое является наиболее существенным моментом в ритуале *манципации* и *сакраментума*, должно было отпасть (при *манципации*) или быть заменено искаженными подражаниями (при *сакраментуме*) (Gai., I, 119—122; Gai., IV, 16, 17; Ulp., Reg., 19, 6). При этом установление ритуала *сакраментума* по отношению к недвижимым

имуществам было связано с рядом колебаний в древней римской юриспруденции (Gell., NA, 20, 10, 9 и Cic., Pro Murena, 12, 26). Колебания юриспруденции и натяжки в форме сакраментума и манципации показывают, что они первоначально не применялись к недвижимым вещам. А это может быть объяснено лишь тем, что недвижимые имущества в то время, когда были созданы манципация и сакраментум, были еще родовой или семейной собственностью, были неотчуждаемыми и не защищались в порядке сакраментума.

Невозможно также дать логическое объяснение института *in iure cessio hereditatis*, если не иметь в виду тот путь, который прошло развитие римской собственности. *In iure cessio hereditatis* давало возможность лицу, получающему наследство и еще не принявшему его, уступить это наследство другому (Gai., II, 34, 35; III, 85—87; Ulp., Reg., 19, 11—15). Этим путем законодательство приходило к странному результату: оно узаконяло передачу другим лицам такого права, которого передающее лицо не имело. Этот институт, однако, может быть логично объяснен, если мы будем понимать его как возможность передачи наследства ближайшим агнатом роду. Род, который не без борьбы сдал свои позиции, сумел навязать признание такой возможности, которая обеспечивала ему получение безвозмездно или за известные уступки того имущества, которое некогда ему принадлежало, и которое согласно двенадцати таблицам, должен был унаследовать ближайший агнат.

Нельзя также до конца понять институт *testamentum callatis comitiis*, если рассматривать его исключительно как институт частной собственности. Участие комиций в оформлении такого завещания объясняется тем, что можно было лишить «фамилию» или род того, что им принадлежало только с согласия собрания родов, каким было *comitia curiata*. Что это собрание первоначально действительно должно было давать согласие на назначение наследника — по этому вопросу, по моему мнению, нельзя серьезно спорить. Самый институт был бы совершенно бессмысленным, если бы участие родов было простой формальностью.

Но особенно ярко проявляются черты римской семейной собственности в древней римской сособственности — *ercto non cito*. После открытия новых текстов Гая (Gai., 3, 154a) самые существенные черты этой сособственности могут считаться установленными. Наиболее существенным является полное отрицание частной собственности. В этом случае отдельный собственник при отсутствии *veto* располагает всей вещью, а не только своей частью. Такое предписание при режиме частной собственности немыслимо, но при наличии семейной собственности оно является вполне естественным. Вещь или имущество принадлежат всему семейству. После того как под влиянием режима, установленного для частной собственности, было допущено отчуждение этого имущества, оно могло передаваться только как неделимое целое. Взаимное доверие, существующее между членами семьи, объясняет, почему каждый из собственников может отчуждать вещь. А обстоятельство, что сама эта вещь является собственностью всего семейства, объясняет право *veto*. Таким образом, *ercto non cito* является, в сущности семейной собственностью, видоизмененной под влиянием частной собственности.

Проф. М. Андреев (Болгария)

ЕЩЕ РАЗ О ТЕРМИНЕ *MERET*

В ВДИ, 1954, № 2, стр. 19 слл., напечатана статья И. С. Кацнельсона «О значении древнеегипетского термина *мерет*», продолжающая обсуждение положения этой категории производителей материальных благ¹. К сожалению, данная статья не вне-

¹ ВДИ, 1951, № 2, стр. 40—46; 1951, № 4, стр. 73—82 и 1952, № 2, стр. 122—126.

ла ничего нового в изучаемую проблему, так как автор привлек либо те источники, которые уже были использованы в предшествующих статьях, либо те, которые упомянуты в «Ссылках» к «Словарю древнеегипетского языка» под словом *мерет*, опубликованных еще в 1939 г. и, следовательно, хорошо известных каждому специалисту. Исключения составляют две ссылки на надписи времени XVIII дин., позаимствованные из работ А. Гардинера о древнеегипетских словариках¹. И. С. Кацнельсон при этом нисколько не задумывается над закономерностью привлечения источников Нового царства для установления значения того же слова, но применявшегося примерно на тысячу лет раньше. А ведь за время, протекшее между Древним и Новым царствами, древнеегипетский язык развивался: во многом изменился его грамматический строй, перестал употребляться ряд слов, и появилось много новых, некоторые же слова, хотя и сохранились, но приобрели иные значения. Привлекать поэтому данные времени Нового царства для выяснения значения слова в Древнем, да к тому же в таком случае, как с термином *мерет*, который, как хорошо известно, начиная с XVIII дин. смешивается с иным термином, сходно, повидимому, звучавшим, но совершенно другого написания и значения,—можно только, доказав, что, несмотря на временную разницу, слово сохранило прежний смысл. Этого И. С. Кацнельсон не делает. К тому же и те несколько примеров употребления слова *мерет* в Новом царстве, которые использует И. С. Кацнельсон, весьма случайны; они поэтому не дают возможности установить положение этой категории непосредственных производителей материальных благ даже во времена Нового царства.

Однако хотя статья И. С. Кацнельсона ничего не вносит в изучение положения *мерет*, она содержит весьма резкую, и на мой взгляд, вовсе несправедливую критику моих работ, на которую я все же считаю себя обязанным ответить.

Особенно резкую оценку вызывают у И. С. Кацнельсона мои переводы грамот защиты Древнего царства и, в частности, второй грамоты защиты в пользу поселения «Мин дает процветать владению Неферкара», дарованной фараоном Пепи II, перевод которой он считает не только крайне ненадежным, но и затемняющим смысл (стр. 23). Такое заявление, кстати сказать, совершенно не доказанное его автором, казалось бы, может делать только человек, давший себе труд прочесть не только перевод надписи, но и оригинал. Однако И. С. Кацнельсон, видимо, счел это делать излишним. Ведь в противном случае он не смог бы не заметить, что эта грамота и есть тот третий декрет Пепи II из Коптоса, на который, как он указывает несколькими строками выше, обратил его внимание акад. В. В. Струве. Ведь в самом деле получается как-то странно: И. С. Кацнельсон утверждает, что перевод плох, но при этом он не только не видит того, что в тексте идет речь т о л ь к о о *мерет*, но и не замечает того, что документ, который я, исходя из его содержания, называю вторым указом Пепи II относительно поселения «Мин дает процветать владению Неферкара», Зете именуется третьим указом Пепи II из Коптоса. Вместе с тем, если бы И. С. Кацнельсон потрудились заглянуть в оригинал, он легко убедился бы в том, что опорачивать мой перевод этого текста, исходя из того, что он переведен по изданию Морэ, нельзя, так как он как раз переведен по изданию Зете². Приходится, повидимому, признать, что И. С. Кацнельсон не познакомился с изданием данного текста. Вместо того, чтобы сличить этот перевод с его изданием, И. С. Кацнельсон «установил», что при его переводе я следовал восстановлением Морэ иным, более удобным для себя способом—путем сличения с изданием Зете д р у г о й надписи, а именно указа Пепи II об учреждении поселения «Мин дает процветать владению Неферкара». При переводе этой надписи, как это и оговорено в моей работе³, я следовал восстановлением Морэ, хотя мне известен уничтожающий, но,

¹ A. G a r d i n e r, Ancient Egyptian Onomastica, т. II, L., 1947, стр. 209*.

² Единственное отступление от издания Зете состоит в том, что в 3-й строке перед словами: «сосчитанные для двора» восстановлено «...[собирать налоги]».

³ ТОВЭ, т. I (1939), стр. 106, прим. 2.